

УДК 343.81(47)(063)

История пенитенциарной политики Российского государства в Сибири на страницах сайта www.penpolit.ru

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Дан историографический обзор содержания сайта истории пенитенциарной политики государства в Сибири XVII–XX вв. Автор анализирует работы ведущих современных исследователей, останавливаясь на основных проблемах данной темы: формировании законодательной базы уголовной и политической ссылки в Сибирь, положении заключенных, занятости производительным трудом, а также профессионализме чиновников тюремного управления и жандармского ведомства.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, Восточная Сибирь, ссылка, тюрьма, поселение, репрессии, уголовная преступность, Нерчинская каторга, законодательство Российского государства, историография, Иркутск.

Иркутск по праву считается одним из центров изучения истории тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь. Основу исследования этой проблематики заложили здесь еще В. И. Огородников, Б. Г. Кубалов, Ф. А. Кудрявцев, затем продолжили и развили А. В. Дулов, С. Ф. Коваль, С. В. Кодан, А. С. Кузнецов, Т. А. Перцева, Б. С. Шостакович, Н. Н. Щербаков и др. Явлением в исследовании этой темы стало издание сборников научных трудов «Сибирь и декабристы» (1978–2009. № 1–6) и «Сибирская ссылка» (1973–2009. № 1–17), аккумулировавших многолетние поиски ученых не только нашего региона, но и страны.

В наши дни эта тема продолжает плодотворно развиваться, приобретая новые направления и грани. Дополнительный импульс «тюремная» и «ссылочно-каторжная» проблематика получила благодаря использованию новых коммуникационных и информационных технологий. Сегодня интернет-пространство не только источник дополнительных знаний, но и средство научного общения, обмена результатами исследований историков различных регионов, по существу, стирающий заметную границу между «центрами» науки и «периферией».

Одним из таких средств стал сайт, название которого вынесено в заголовок настоящей статьи. Он был открыт в качестве постоянного информационного органа координационного Совета по исследованию истории пенитенциарной политики Российского государства в Сибири в XVII–XX вв., созданного при Иркутском государственном университете в 2008 г. На сайте представлены результаты исследований профессиональных историков, специали-

стов этой проблематики из Иркутска, Улан-Удэ, Читы, Барнаула, Новосибирска, Омска, Братска, других городов сибирского региона. За первый год своего существования сайт сумел объединить более 50 ученых, опубликовавших здесь около 150 статей по историографии и источниковедению темы, истории революционной и уголовной ссылки, осуществлению политики «штрафной колонизации» сибирского региона, деятельности тюремных ведомств и жандармских управлений, вкладу политических ссыльных в социально-экономическое, культурное и общественное развитие края, истории плена, политзаключенных и спецпереселенцев советского периода.

Несмотря на столь незначительную собственную историю, сайт уже сегодня является верным барометром, отражающим интересы и новые направления в исследовании пенитенциарной проблематики. Рассмотрим здесь лишь несколько работ.

Прежде всего, очевидно внимание современных исследователей к истории применения государством уголовной ссылки и каторги в Сибирь. Когда-то эта тема активно изучалась специалистами русской научной школы. Ученые-криминалисты, практики пенитенциарной системы – М. Н. Галкин-Врасской, С. К. Гогель, П. К. Гран, С. П. Мокринский, А. А. Пионтковский, С. В. Познышев, А. П. Саламон, Н. С. Таганцев и многие другие подвергли всестороннему изучению правовые, организационные и финансовые аспекты этого явления. Их интересовала прежде всего эффективность функционирования института ссылки. В начале XX в. в результате многочисленных дискуссий бóльшая часть исследователей склонялась в пользу отмены ссылки на поселение и замены ее тюремным заключением, сопровождаемым обязательными каторжными работами. Ссылка в Сибирь, как и в северные отдаленные губернии страны, или на Кавказ, признавалась дорогостоящей и неэффективной.

Наряду с пенитенциарными институтами государства изучалась ссылка как таковая. Ученых-правоведов и историков интересовали прежде всего социальные корни этого явления, а также состав ссылки, жизнь крупных тюремных коллективов, влияние поселенцев на местное общество, их вклад в экономическое развитие региона.

В начале XX в. историография уголовной ссылки и каторги в Сибирь составляла десятки монографий и сотни крупных разноплановых статей – от путевых заметок, корреспонденций с мест до статистических обобщающих обзоров, служебных докладов, историко-правовых исследований, мемуарных комплексов. Специалистами права, историками, этнографами, политическими и общественными деятелями, изучавшими те или иные аспекты темы, был накоплен, систематизирован и обобщен огромный пласт фактического материала, детально исследованы многие проблемы пенитенциарной практики российского государства.

После октября 1917 г., с коренным изменением государственного строя, работы криминалистов и историков XIX в. оказались невостребованными. Приоритетные позиции в научных интересах историков заняла ссылка политическая, и прежде всего «деятельность» революционеров-большевиков в «сибирской неволе». История уголовной ссылки и тюрьмы по существу была

предана забвению. На этом фоне многотомный труд М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» (1960–1963) был действительно исключением.

С началом 1990-х гг. пенитенциарная политика Российского государства, как научная проблема, вновь становится актуальной и востребованной. Сегодня в ней можно выделить несколько подходов, один из них – стремление специалистов всесторонне исследовать законодательные основы тюремного дела в Империи. Именно этим аспектам посвящена, например, статья Л. М. Дамешека и А. В. Филатова, анализирующая прежде всего режим и правовое положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири», помещенная в разделе «Досоветские исследования» нашего сайта.

Авторы указывают, что правовое положение каторжников в местах отбывания наказания регулировалось соответствующими законодательными актами государства, важнейшими из которых были Устав о ссыльных и Уложение о наказаниях, Устав о содержащихся под стражей, Положение о полицейском надзоре. Вместе с тем о режиме содержания нельзя судить только по этим документам. Следует учитывать, во-первых, что на протяжении всего периода существования каторги в качестве дополнения к нормативным актам правительством издавались различные инструкции и циркуляры, внутриведомственные директивы, которые существенно корректировали правовое положение арестантов; во-вторых, в каждой тюрьме администрация нередко устанавливала свои порядки, что было продиктовано отнюдь не нарушением устава службы, а конкретной ситуацией, связанной с наполняемостью помещений, укомплектованностью штатного расписания, урожаем или неурожаем, климатическими особенностями и т. д., которые в немалой степени влияли, а нередко и определяли, условия содержания заключенных.

Выявленная авторами особенность тюремного режима, его зависимость от конкретных обстоятельств имеет важное методическое значение для правильного понимания и оценки пенитенциарной политики и практики в сибирском регионе. Именно местные сибирские особенности – нехватка обученных кадров служителей тюремного ведомства, низкая квалификация конвойных команд, формировавшихся практически на 100 процентов из армейских запасников или инвалидов, отсутствие промышленной инфраструктуры в регионе, делавшее труд в тюрьме непозволительной роскошью и обрекавшее заключенных на праздность и бездеятельность, а также некоторые другие и определяли содержание режима в каторжных тюрьмах Сибири.

Подчеркнем еще раз правильность и научную обоснованность подобного метода изучения.

Между тем есть немало современных исследований истории пенитенциарной политики государства в Сибири, авторы которых лишь по законодательным и подзаконным актам делают выводы о содержании того или иного тюремного режима. В таких работах на протяжении многих страниц просто цитируются нормативные документы, многочисленные инструкции Главного тюремного управления, уставы и положения. Картина, которую рисуют историки с помощью такого «метода», не отражает реальной действительности, а значит и выводы о «суровом, каторжном» режиме не могут быть справедливыми.

Как не привести здесь несколько строк из книги англичанина Ю. Прайса, объехавшего сибирские тюрьмы в конце XIX в. и взглянувшего на нашу систему со стороны! Нигде, в том числе и в Иркутске, Прайс не увидел заключенных, занятых каторжным трудом. Его поразила общая практика «праздности» тюремной жизни, а также то, что двери камер намеренно открывались и оставались «без замка» в течение всего дня; ссыльные свободно «перемещались» не только внутри одного здания, но и по территории всей тюрьмы; «в отверстие тюремной стены можно было подать деньги и купить у местных жителей все, что угодно»; «постоянное потребление чая в камерах больше походило на бесконечный пикник».

Но наиболее сильное впечатление на Ю. Прайса произвело существование имущественной дифференциации среди тюремных сидельцев. Англичанин, воспитанный на многовековых традициях равенства любого гражданина перед законом, был поражен, встретив, например, в иркутской тюрьме камеры привилегированных ссыльных, «в которых было все для жизни джентльмена»: отдельное питание, собственный гардероб, возможность заниматься любимым делом (читать, рисовать, «ничего не делать»), постоянная переписка с Европейской Россией и т. д. Журналист называет подобную систему «странной», а «живейшее и, по всей видимости, небескорыстное, участие тюремной администрации» и даже крупных местных чиновников в судьбах богатых заключенных «противоестественным» [1].

Есть многочисленные факты, свидетельствующие о том, что сибирские тюрьмы не только не были местом «жестокоего наказания» преступников, но нередко служили просто настоящей «кузницей» криминальных кадров. Означает ли это то, что тюрьма вообще не способна исправлять уголовных преступников, причем при любом государственном и политическом режиме?

К работе Л. М. Дамешека и А. В. Филатова тематически примыкает статья Н. Г. Степановой «Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века», расположенная на сайте опять же в разделе досоветских исследований. Эта тема уже разрабатывалась в 1970-х гг. Так, известны несколько работ С. В. Кодана, касавшегося в большей мере политической ссылки, а также пребывания в Восточной Сибири «государственных преступников 14 декабря», и исследования А. Д. Марголиса, решавшего проблемы правовой базы каторжной практики попутно с установлением общей численности сибирских уголовных ссыльных [2].

Н. Г. Степанова, весьма плодотворно занимающаяся в последнее время проблемами каторжной политики Российского государства в Сибири, о чем свидетельствуют публикации в сборнике «Сибирская ссылка», фокусирует свое внимание на двух исторических документах – Уставе о ссыльных и в качестве дополнения к нему Уставе об этапах 1822 г. Автор совершенно справедливо считает их «основой законодательного регулирования сибирской каторги, ступенью законодательной эволюции института каторжных работ в Российской Империи, установившими в первой половине XIX в. нормы отправления в ссылку, препровождения ссыльных, их прием и распределение в Сибири, «употребление» в работы».

Трудно не согласиться с автором. Устав о ссыльных положил начало длительному позитивному процессу не только законодательного формирования системы сибирской ссылки, но в значительной мере впервые упорядочил ее практическое применение. Достаточно лишь сказать о том, что именно с принятием этих уставов начался систематический учет ссыльных, проходящих в Сибирь через Тобольский приказ – до этого исследователи пользовались отрывочными и часто противоречивыми сведениями путешествовавших через Сибирь иностранцев, реже соотечественников, изучавших суровый край с точки зрения наличия полезных ископаемых, водных и лесных ресурсов.

Н. Г. Степанова, говоря об Уставе о ссыльных 1822 года, вполне естественно, не могла обойти вниманием и фигуру М. М. Сперанского. До Сперанского, справедливо полагает автор, в России не было единой государственной системы управления сибирской ссылкой. Это действительно так. Автор подробно рассматривает Устав о ссыльных, анализируя многие его статьи, подразделявшие каторжан на несколько категорий в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений – работающих на заводах, строящих дороги, служащих в качестве прислуги, живущих сельскохозяйственным трудом, наконец, больных, о которых следует проявлять заботу и постоянное внимание и т. д.

Но почему устав так и не стал эффективным инструментом управления сибирской каторгой и ссылкой? Только ли потому, что не были, как полагает автор, детально проработаны многие его положения или были еще какие-либо причины? Наверное, основная причина такого неудовлетворительного результата кроется в том, что документ не учитывал все возраставших масштабов ссылки в Сибирь, также того, что местные промышленные предприятия просто не в силах были вместить такого количества осужденных, обеспечив их работой. Например, если в 1812–1821 гг. за Уральский камень было отправлено 39 761 человек, то в следующем десятилетии – 91 709, а в 1832–1841 гг. – еще 78 823. Всего же, по данным Марголиса, с 1807 по 1881 гг. Сибирь приняла 635 319 ссыльных [3]!

Но возникает следующий вопрос, почему М. М. Сперанский не предусмотрел в качестве источника для занятости ссыльных поистине бездонные потребности Нерчинской каторги? Действительно, реформатор был знаком с Нерчинским горным округом не понаслышке. Зимой 1820 г. он посетил Забайкалье. Для него эта поездка была важной, поэтому накануне из Иркутска Сперанский несколько раз писал дочери о своем намерении побывать в Кяхте. 13 февраля, выехав из столицы края, он 14 был в Селенгинске. В Кяхте провел три дня, затем прибыл в Верхнеудинск, а 26–27 февраля осматривал Нерчинский завод и Воздвиженский рудник. Побывал и в шахте. «Ужас сего места; процессия в стране мертвых со свечами; контраст мальчиков и их голосов, работающих вместе с преступниками», – записал он в своем дневнике. А дочери написал: «Вчерашний день я возвратился из преисподней... Я видел своими глазами последнюю линию человеческого бедствия и терпения. Ничто не может быть поучительнее сего впечатления». Организацию производства на Нерчинских рудниках он нашел, как указывает В. Вагин, в крайне

жалком состоянии. «Хижины и развалины» – назвал увиденное генерал-губернатор. Работа правления или экспедиции о ссыльных была отмечена им также резко отрицательно. Но тягостное настроение от увиденного закончилось в последнем селении заводского ведомства. Когда начались земли Верхнеудинского уезда, перед его взором предстал совершенно другой вид, другие лица, – передает В. Вагин ощущения Сперанского [4].

Возможно, находясь под столь сильным впечатлением от увиденного, Сперанский и не стал определять Нерчинские рудники в качестве основного места каторжного труда? А может быть, надо учитывать то, что Нерчинские заводы находились в собственности Кабинета его императорского величества и прибыль от добычи серебряной руды шла, минуя местные нужды, исключительно на содержание царствующего дома.

Отдельное внимание в статье Н. Г. Степановой уделено этапированию ссыльных. До Сперанского этой проблемой занимались от случая к случаю. Еще в 1816 г. в Сибири была учреждена внутренняя стража, на которую и возлагалась обязанность по препровождению арестантов. Однако отправленные в Сибирь ссыльные в дороге, по существу, никому не принадлежали. Они вынуждены были кормиться подаением, останавливаться на ночлег где придется. Именно с этапов совершалось абсолютное большинство побегов. Бродяги становились настоящим бедствием для сибирских губерний. Сбиваясь в группы, они буквально терроризировали притрактовые села, вымогая у крестьян подаение, а если получали отказ, совершали поджоги и отравы. Образ «несчастливого» ссыльного, бездомного, всеми гонимого, обездоленного и покорного судьбе, созданный нашей демократической литературой, очень редко совпадал с действительным обликом сибирского бродяги. Кусок хлеба, оставаемый крестьянами на задворках своей усадьбы, вовсе не был проявлением сострадания к ссыльным, а являлся своеобразным способом откупиться от них, лишь бы не трогали и шли дальше.

Отношение местных жителей к бродягам хорошо рисуют строки из рапорта генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского А. И. Чернышову о возможности побегов из Забайкалья каторжан или уголовных ссыльных: «Байкал и горные голодные пустыни не доставляют средств без твердого знания местности проникнуть сюда; а кочевые буряты и тунгусы для собственной своей безопасности, со свойственной им зоркостью всегда выслеживают беглых в самых непроходимых местах. Мщение их за многие несчастия, от Нерчинских каторжных претерпенные, таково, что весьма немногим удастся пройти Братскую степь или пробраться через горы кругом Байкала к Иркутску, но и тут буряты и земская полиция довольно деятельно захватывают их» [5].

На каждые 100 ссыльных в Забайкальской области в конце XIX в. приходилось 9,7 преступлений и 9,1 осужденных преступников, в Иркутской губернии соответственно – 8,9 и 6,9, Енисейской – 11,3 и 3,8. Рассматривая эту статистику, следует иметь в виду ее несовершенный характер: на деле преступлений было, конечно же, гораздо больше, так как нет никакой возможно-

сти просчитать, сколько преступлений оставались не обнаруженными и не зафиксированными местными властями [6].

После принятия Устава в деле препровождения арестантов произошло много положительных явлений. На всем протяжении Московского тракта вплоть до Нерчинска строились этапы и полуэтапы, вводилась регулярная конвойная служба, отвечавшая за арестанта во время пути. Однако и после 1822 г. здесь было много нерешенных проблем. Например, как следует из письма иркутского гражданского губернатора И. Б. Цейдлера начальнику Нерчинских горных заводов Т. С. Бурнашеву от 26 ноября 1824 г., колодничи партии из Верхнеудинска к местам каторжных работ отправлялись «одна за другою через самое кратчайшее время», что ставило в затруднение стоящих по кардонам казаков «исполнять свои обязанности от того, собственно, что они между тем, как не успевают препроводить до следующего кардона партии, новая уже поступает ранее, нежели они обратятся на свои места». Губернатор предлагал «решительным образом» сократить количество пересылаемых партий и отправлять арестантов на Нерчинские заводы «не более, как один раз в месяц». Понятно, что так редко партии отправляться также не могли [7].

Значительно меньше места отведено на сайте исследованиям истории становления и деятельности в Сибири жандармской полиции. Лишь К. В. Плюта в своей статье «Антитеррористическая политика Российского правительства во второй половине XIX – начале XX вв.» некоторым образом сумел коснуться этой темы. Уже первые процессы над народническими кружками и масштабное «дело пропаганды в империи» показали неприспособленность правоохранительной системы к террористическим методам революционеров. Тогда-то правительство и приступило к реформированию силовых структур. В первую очередь были усилены жандармские подразделения, куда пришло новое пополнение из армейских частей, а общая численность увеличена практически вдвое.

Повышению роли жандармерии в борьбе с антигосударственными проявлениями способствовало наделение губернских управлений правом в открытом порядке расследовать вместе с представителями прокуратуры преступления на правах судебных следователей. Жандармерия, таким образом, становилась не только органом политического надзора, но могла самостоятельно вести расследование политических преступлений. В это же время были созданы сыскные секретно-розыскные отделения, которые со временем возникли во всех губерниях.

Статья К. В. Плюты четко выявила слабые стороны изучения данной проблематики. С одной стороны, недостаточное количество исследований в целом по России (работа З.И. Пергудовой «Политический сыск России (1880–1917)», изданная еще в 2000 г., и по сей день остается единственной серьезной монографией), с другой – отсутствие основательных работ на региональном уровне, и в первую очередь, по Сибири. История деятельности Иркутского губернского жандармского управления – не исключение из этой констатации.

Между тем введение в научный оборот документов Иркутского ГЖУ из 600-го фонда ГАИО позволяет по-новому оценить размах революционного движения в Восточной Сибири, дает представление о формах, методах и эффективности деятельности жандармов. Вот, например, объяснительная записка начальника Иркутского ГЖУ в Департамент полиции с изложением причин медленного производства дознаний по политическим делам от 27 сентября 1906 г.: «В течение января и февраля месяца мною был препровожден прокурору Иркутского окружного суда целый ряд переписок: о мятежных организациях на Забайкальской железной дороге, таких же организациях на Сибирской железной дороге, по делу учительского и крестьянского союзов, о союзе союзов, по делу социал-демократической организации, по делу организации социалистов-революционеров, и по делу террористического кружка, подготавливавшего покушение на жизнь начальника охранного отделения ротмистра Гаврилова.

Начиная с 10 января при вверенном мне управлении не было ни адъютанта, ни помощника, так как последние были командированы для следственных действий в свои районы и Забайкальскую область, а адъютант не назначался с июня прошлого года. При подобных условиях, ведя громадную текущую переписку по канцелярии, имея до 600 человек арестованных, производя лично разборку всех вещественных доказательств, формируя и направляя все вышеупомянутые переписки, которые необходимо было снабдить пояснительными записками, и располагая для всей этой работы помощью двух еле грамотных писарей, я лишен был физической возможности лично производить дознания» [8].

Анализ документа хорошо передает накал революционной борьбы в Иркутске в 1905–1906 гг., а также объем работы охранного отделения того периода. Можно сделать вывод и о хронической нехватке специалистов в управлении жандармского ведомства, а также о квалификации служащих нижнего звена.

А вот еще один любопытный документ, рисующий жизнь охранного отделения «изнутри» – приказ начальника Иркутского ГЖУ по личному составу: «Согласно приказа по Сибирскому жандармскому округу от сего февраля за № 10, предписываю в течение предстоящего Великого Поста всем чинам вверенного мне управления исполнить священный долг Исповеди и Св. Причастия, установив для нижних чинов очереди; по исполнении чего помощникам моим представить мне списки по установленной форме с отметками о бытности каждого и их семейств...» [9].

Как видим, выполнение «священного долга» исповеди было под строгим контролем, как и деятельность революционных организаций. Вот, к примеру, обстоятельное донесение агента «Мельничного», работавшего по партии РСДРП от 9 октября 1914 г.: «В Иркутске у социал-демократов существует пять кружков низшего типа: 1) женский (швейки, шляпочницы, приказчицы и 4–5 гимназисток); 2) ученический; 3) пекарей (булочники и кондитеры); 4) смешанный (колбасники, слесаря, сапожники – 21 человек; 5) мукомолов – 24 человека. Мукомолы собирались четыре раза, а “смешанный” – три раза,

причем, третье собрание проходило 5 октября у Старостина и на нем был 21 человек. У мукомолов кружковые занятия ведет Старостин. Во время второго собрания “смешанного” кружка первого октября были выборы делегатов на конференцию. Делегатами избраны Старостин и “Ваня”. Собрание происходило в квартире некоего “Николая”, являющегося членом ревизионной комиссии союза колбасников» [10].

«Архипов», «Бурят», «Воронцов», «Гарин», «Иннокентий», «Никольский», «Мельничный», «Михайлов», «Николаев», «Некрасов», «Саур», «Александр», «Второв», «Иванов», «Милый», «Немо», «Случайный», «Эдурд» – вот имена агентов, работавших среди социал-демократов только по г. Иркутску за 1910–1914 гг. А еще: «Александр», «Нолевой», «Пуля», «Оса», «Северный», «Тихий» – по Черемхово; «Маев», «Новый», «Ольгин», «Старый», «Федоров» – по Чите. И так – по каждому городу Восточной Сибири, империи. Дело политического сыска было поставлено блестяще: по существу, в России не было ни одной революционной организации, в ряды которой Охранное отделение не внедрило бы своих осведомителей или платных агентов. Неслучайно Н. К. Крупская, прошедшая отличную школу нелегальной деятельности, вспоминала позднее, каким недолгим был век большинства революционных групп – каких-нибудь три-четыре месяца. Затем они попадали под «недремлющее око», ядро организаторов из интеллигентов изымалось, а рабочее большинство оставляли бездействовать.

На сайте достойно представлена богатая событиями и именами история Нерчинской каторги. Надо подчеркнуть особо то, что эта область сибирской ссылки сегодня активно продолжает изучаться. В давно осваиваемом, казалось бы, объекте познания находятся новые грани. Так, например, З. В. Мошкина исследует внутренний мир политических каторжанок. Несколько десятков молодых женщин, решивших изменить к лучшему российскую действительность, осужденных за это и отправленных через всю страну в Забайкалье, были собраны на длительное время в одном замкнутом пространстве деревянного барака Мальцевской тюрьмы. На первый взгляд, женщины пользовались относительной свободой – много гуляли, разводили цветы, шили, читали любимые книги. Кандалы одевались лишь по просьбе смотрителей, ждущих очередной жандармской проверки, да и почтовая связь с Европейской Россией существовала.

Но тюрьма есть тюрьма, и, наверное, самое страшное испытание здесь – испытание вынужденным общением, когда невозможно уединиться, отказаться от общих разговоров и обсуждения проблем. В этой ситуации в первую очередь страдает психика человека, его душевное равновесие. Неслучайно среди женщин-каторжанок было так много больных, издерганных и нервных людей. В такой атмосфере любая попытка ограничить женщин в правах встречала резкий болезненный протест, и крайняя мера – самоубийство – уже не казалась проявлением слабости духа.

З. В. Мошкина отдельно рассматривает историю пребывания на Нерчинской каторге Е. К. Брешко-Брешковской. Сначала эсеровская партийная пропаганда сделала из этой женщины символ освобождения «крестьянина-

мужика», «заступницы и страдальцы за народ», затем большевистская идеологическая машина превратила ее в карикатуру, «выжившую из ума старуху из компании Керенского и Милюкова». Характерна, например, карикатура на обложке одного из номеров журнала Аркадия Аверченко «Новый сатирикон» за 1917 год: гротескные дедушка русской революции Петр Алексеевич Кропоткин вместе с «бабушкой» Брешко-Брешковской, прогуливаясь возле загородного дома, склонились над только что сломанным маленьким деревцем, олицетворяющим, по мысли автора карикатуры, по всей видимости, хрупкую народную демократию февраля–октября 1917 г. в России. Старые народники расстроены, едва не плачут, а сидящий на заборе Лев Троцкий соорудил ехидную рожицу: смотрите, мол, что мы сделали с вашей демократической революцией!

Из Иркутской тюрьмы Брешковская была отправлена с конвоем на Кару в сентябре 1878 г., а вернулась в Иркутск в 1892 г. Четырнадцать лет провела она в Забайкалье, назвав эти годы впоследствии «самыми пустыми и грустными». Всего же «ссылный» стаж этой женщины составил четверть века (1878–1896, 1910–1917) – и это без тюремного заключения! Уже это, не говоря об активной конспиративной и пропагандистской деятельности в ссылке, вызывает к ней неподдельное уважение.

Первый «вождь пролетарской революции» В. И. Ленин, неоднократно использовавший образ «бабушки русской революции» в качестве своего резкого неприятия политики Временного правительства, например, провел в селе Шушенском Енисейской губернии лишь четыре года, с 1897 по 1900. Здесь он много работал над программой построения партии, критиковал народников, не забывал и об охоте, отдыхе, а главное, жил в большом многолюдном селе среди людей образованных и, в известной степени, культурных. Как можно судить из отдельных высказываний, в Шушенском Ленина больше всего беспокоила тема так называемых «ссылных историй»: он боялся быть втянутым в какую-либо из бытовых дрязг, имевших место в любом крупном поселении политических ссыльных. Например, узнав о нападках на Н. Е. Федосеева, воскликнул в письме к А. И. Ульяновой-Елизаровой: «Нет, уж лучше не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов! С приездом Н. К. и то целая колония будет» [11].

Второй (а, может, первый?) «вождь пролетарской революции», Л. Д. Троцкий, также неоднократно упоминавший Брешковскую в своих полемических работах, провел в Восточной Сибири всего два года. После Александровской пересыльной тюрьмы летом 1900 г. он был распределен в Усть-Кут, затем переехал в Нижне-Илимское, а далее перебрался с разрешения властей в Верхоленск. Согласно «Списку политических ссыльных Иркутской губернии на 01.01.1901 г.» политических поселенцев в городе было около 20 человек, в том числе И. С. Антокольский, А. В. Гедеоновский, К. О. Коценцкий, А. М. Лежава, С. А. Плихтовский, Р.А. Тетрюмова и др. Под номерами 59 и 60 в «Списке...» указаны: «Бронштейн Лейба Давидов, сын колониста, 23 лет и Бронштейн Александра Львовна, 29 лет» [12]. Он, так же как и В. И. Ленин, много работал, писал в газеты, изучал теорию марксизма. Труд-

ности быта, отсутствие каких-либо денежных средств его не пугали: «...Книги и личные отношения поглощали меня», – вспоминал Лев Давидович в своей автобиографии.

Е. К. Брешковская поступила в Баргузин после каторги в начале 1879 г. Здесь проживало всего три-четыре «политика», не было совершенно никакой работы, а, значит, и средств к существованию. Решение бежать из ссылки зародилось у нее еще на этапе, все мысли, как она вспоминала, были направлены на скорейшее возвращение к активной работе. Бежали четверо – Н. Тютчев, К. Шамарин, И. Линева и Е. Брешковская. Этот побег вызвал настоящую панику в рядах сибирской администрации, а ее действия получили жесткую оценку на самых «верхах». О серьезности положения может свидетельствовать телеграмма министра внутренних дел иркутскому генерал-губернатору с предложением «принять самые решительные меры к розысканию скрывшихся государственных преступников и доложить мне для доклада Его Величеству» [13].

История этого побега хорошо описана Н. С. Тютчевым, воспоминания о нем оставила и сама Брешковская. Бежавшие пытались пройти тайгой на юго-восток, преодолевая отвесные подъемы и горные реки. «Приходилось идти по таким острым и крутым хребтам, – вспоминала Брешковская, – что более слабые лошади не могли держаться и, оступившись, падали, скатываясь под гору кубарем... Вьюки не давали им подняться, тогда товарищам по одному приходилось спускаться вниз, сначала развьючить коня, ставить на ноги, снова навьючить и тащить его, перепуганного и избитого, с большими усилиями к нам навстречу. Скорей, скорей, вперед! Но скорость не давалась...» [14].

Через несколько дней беглецы сбились с дороги, окончательно заблудились, проводник их бросил. Они потеряли всех лошадей, запасы продуктов и, окруженные чинами полиции, мобилизовавшими местных жителей, вынуждены были, не приняв боя, сдаться. Их привезли в Верхнеудинск и содержали в здании военной гауптвахты. Следствие о побеге закончилось в августе 1881 г.: Линева, Тютчев и Шамарин были высланы в Якутскую область, Брешковскую же решено было, наказав розгами, отправить повторно на Кару.

В 1884 г. Екатерина Константиновна получила назначение в Селенгинск. Здесь государственная преступница обучала грамоте детей и взрослых, занималась самообразованием, шила одежду. Это были трудные годы самых суровых испытаний. «В Селенгинске, мертвом, “сером”, “как в клетке”, томилась я целых восемь лет... Одинокая, вечно рвущаяся – выходила я в степь и громким голосом изливала тоскующее по свободе сердце...» [15].

Изучение Нерчинской каторги как самой большой тюрьмы на востоке империи продолжается молодым исследователем из Читы А. В. Волочаевой. Автор прежде всего рассматривает богатую историю Нерчинска, используемого когда-то в качестве опорного форпоста для движения русских на Амур и к Тихому океану. Уже в 1722 г. последовал указ о ссылке преступников в Даурию на серебряные заводы и о переводе 300 семейств туда же для поселения на удобных к хлебопашеству землях. По указу от 15 июля 1729 г. в сибирскую ссылку из центра страны стали отправлять бродяг и беглых, что

придало политике штрафной колонизации необходимые силы. С 13 октября 1731 г. разрешили переводить в состав заводских крестьян ссыльных, и эта мера становится постоянной. В 1762 г. были изданы узаконения о прекращении ссылки на Колыванские заводы колодников и о селении их на дистанциях от Тобольска к Иркутску до Нерчинска, а также о ссылке преступников в Рогервик и в Нерчинск, смотря по близости расстояния этих мест от места посылки. В 1763 г. последовал Указ о формировании в Сибири, «для защиты этого края», пяти пехотных и двух конных полков из вывозимых из Польши беглых российских подданных и о поселении тех из них, которые в военную службу негодны, в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества [16].

Началом массовой ссылки в Сибирь стали 1760-е гг. 13 декабря 1760 г. был принят Указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». Помещику предоставлялось право самостоятельно определять состав преступления своего крепостного и наказывать его ссылкой в Сибирь.

Первые же партии следующих в Нерчинск ссыльных выявили «узкие места» плана расселения, главное из которых заключалось в отсутствии по дороге необходимого количества продовольствия. Например, при переводе в 1754 г. из Соликамских соляных варниц в Нерчинск 2151 человека незаселенными болотистыми местами по Кети, за семь недель умерло от голода и болезней 517 человек. К тому же, для сопровождения осужденных не хватало конвойных команд, транспорта, помещений для остановок в пути.

Сколько ссыльных было отправлено в Забайкалье по «рекрутским» указам? Согласно подсчетам А. Д. Колесникова, в Сибирь в 1761–1781 гг. было выслано не менее 35 000 душ мужского пола. Если же иметь в виду, что женщины в этот период составляли около 75–80 % от числа сосланных мужчин, то можно полагать, что в Сибирь за двадцать лет прибыло около 60 тысяч ссыльных и членов их семей. Часть этих поселщиков были отправлены, как того и требовали указы, в Забайкалье [17].

17 октября 1799 г. именным указом, данным Сенату, повелено было заселить южную часть Восточной Сибири, прилегающую к границам китайским, между Байкалом, Ангарой, Нерчинском и Кяхтой, с предоставлением различных выгод желающим поселиться. Цель поселений была обширной: предлагалось распространить за Байкалом не только земледелие, но и скотоводство, завести впоследствии суконные и юфтевые фабрики для усиления кяхтинской торговли. На первый раз назначалось для поселения десять тысяч душ, в состав которых должны были войти отставные солдаты – по собственному желанию, преступники, присуждаемые к ссылке в каторжные работы, и помещичьи люди, отдаваемые в зачет рекрут.

Выполнение и этих планов было организовано плохо. В 1801 г. в Иркутск пришло только 1454 человека, часть которых тогда же отправили за Байкал. Но вскоре дошли до правительства слухи о небрежном исполнении предписанных для устройства поселений мер. Оказалось, что часть людей

были отправлены помещиками без надлежащей одежды; большинство не имело в дороге кормовых денег. Такое «переселение» увеличило бродяжничество в крае. Ситуация с заселением Забайкалья ссыльными не изменилась и в XIX в. По-прежнему в этом деле царила неразбериха, отсутствовала планомерность и последовательность.

А. В. Волочаева рассматривает также режим содержания преступников Нерчинской каторги, регламентированный законом, и реально существующие условия их жизни. В ходе исследования автор приходит к выводу, что общий карательный режим каторги, определенный законом, дополнялся суровыми реальными условиями жизни (старыми тюремными помещениями, их большой переполненностью, плохим состоянием медицинской части и др.). Пытаясь сохранить «необходимый» режим каторги, государство не могло изменить неудовлетворительные условия жизни преступников, ограничиваясь только полумерами.

В ходе работы автору удалось выяснить, что управление Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX в. не было постоянным и преобразовывалось в связи с изменением условий существования системы каторги и необходимостью ее реорганизации. На протяжении всего этого периода происходило складывание сложного руководящего аппарата каторги, подчиненного военному губернатору Забайкальской области. Но до конца XIX в. властям так и не удалось создать в полной мере действенную систему управления, способную в любых условиях сохранить карательное предназначение принудительных работ.

Вообще, занятость арестантов на Нерчинской каторге – одна из центральных проблем, рассматриваемых А. В. Волочаевой. Автор выявляет основные виды работ, где применялся каторжный труд. Это прежде всего серебряно-свинцовое производство, золотодобывающие промыслы Кабинета и частных лиц, а также строительство железной дороги на Забайкальском и Амурском участках. Кроме этого, вокруг Нерчинских заводов еще в XIX в. сложились поселения крестьян, занимавшихся хлебопашеством и в самом ограниченном количестве скотоводством. Как правило, население этих сел формировалось из окончивших срок каторжан, а также увечных и престарелых ссыльных, тех, кому не досталось места в редких в Забайкалье домах призрения. Здесь стоит заметить, что содержание Нерчинской каторги было для правительства весьма серьезным финансовым испытанием и обходилось при 3000 здоровых и 220 больных каторжан в 490 тыс. руб. за 1891 год [18].

Отдельно в статье А. В. Волочаевой исследуется труд каторжан на строительстве железной дороги. Несмотря на то, что количество преступников каторжного разряда в железнодорожных работах было небольшим, труд этот (в отличие от труда на предприятиях Кабинета) приносил финансовую и стратегическую выгоду государству. Каторжные отряды исправляющихся и испытываемых работали совместно, причем с последних снимались оковы. Размещались арестанты во временных бараках и без особой охраны. Кроме того, срок работ преступников сокращался с года до 8 месяцев.

Кроме перечисленных тем, А. В. Волочаева дает и массу статистического обобщающего материала, последовательно рассматривает количество и динамику поступления преступников на каторгу в Забайкалье, определяет состав каторжных по основным признакам: пол, возраст, социальное и семейное положение, характер совершенных преступлений и их количество.

История Нерчинской уголовной и политической каторги нашла также отражение в статьях М. Г. Бодяк, Н. Ф. Васильевой, Д. А. Мясникова. На очереди, считаем, и историографическое исследование этой темы.

История репрессивной политики советского государства также представлена на сайте рядом разноплановых статей. Вызывает интерес работа О. В. Афанасова «К истории Александровской особой тюрьмы МВД СССР в Иркутской области». Автор совершенно справедливо указывает на практически полное отсутствие в свободном доступе материалов по этой тюрьме, больше известной специалистам под названием Александровского централа. Однако если царский период функционирования тюрьмы представляется относительно изученным, то ее деятельность при советской власти до сих пор не затрагивалась в исторических исследованиях.

В архиве ГУВД по Иркутской области автору удалось обнаружить лишь отдельные делопроизводственные документы, затрагивающие агентурно-оперативную работу с заключенными и личным составом рассматриваемого тюремного учреждения. В 1953 г. лимит содержания заключенных здесь составлял 1000–1100 человек, имелось 40 общих и 9 одиночных камер, 11 карцеров и 8 больничных палат. Однако, согласно имеющимся данным, в тюрьме помещалось только чуть более 400 заключенных, из них «спецконтингент» составлял 330 человек, хозяйственная обслуга – 74.

О. В. Афанасов выявил и некоторые категории «особо опасных государственных преступников»: «агентов иностранных разведок» – 115, включая представителей американской (25), английской (9), немецкой (20), японской (25), французской (15), австрийской (3), а также 19 «троцкистов», 25 «террористов», 19 «диверсантов», 16 «националистов», 57 «бандитов» и 79 прочих осужденных. Как видим, история Александровской тюрьмы советского периода представляет интересный объект для дальнейшего научного исследования.

Из материалов по истории пенитенциарной системы советского периода заслуживают внимания статьи С. И. Кузнецова. Профессор Кузнецов – ведущий российский специалист по данной проблематике – посвятил одну из своих работ положению японских военнопленных на территории Иркутской области. Автор сравнивает послевоенную Сибирь с огромным концентрационным лагерем и для граждан СССР, и для иностранцев. Он считает, что в Иркутской области можно было наблюдать все типичные процессы развития советской лагерной системы: в регионе располагалось множество мест заключения, через которые прошли сотни тысяч людей, многие из которых, не выдержав суровых климатических условий, нечеловеческого обращения со стороны охраны, тяжелого физического труда, нашли здесь последнее пристанище.

Цифры, приводимые С. И. Кузнецовым, не могут не поражать: осенью 1945 г. в нашу область было направлено более 70 тыс. пленных японцев. (Для сравнения: в 1898-м – самом показательном году – в Иркутской губернии насчитывалось около 70 тыс. уголовных ссыльных всех категорий). Иркутские лагеря военнопленных являлись самыми многочисленными в стране. На территории области были развернуты три крупных управления лагерей японских военнопленных: Тайшетлаг, Черемховлаг и Иркутсклаг. Кроме этого, около 1000 японцев, размещенных в Иркутской области, подчинялись 30-му управлению лагерей Бурятской АССР. На строительство железной дороги Тайшет–Братск японцы прибывали в составе батальонов бывшей Квантунской армии, причем, с прежними командирами.

Иностранные военнопленные использовались в качестве дешевой рабочей силы. Военнопленный был обязан не только возместить своим трудом стоимость содержания в лагере, но и приносить доход государству. Выгода от эксплуатации дешевой рабочей силы заслоняла чувства гуманности и сострадания: в лагерях отсутствовали нормальные жилищно-бытовые условия, не хватало продовольствия, топлива, медикаментов, обмундирования и обуви. Все это, вместе с непривычным суровым климатом Сибири, привело к многочисленным людским потерям: по данным японского министерства здравоохранения, в лагерях Иркутской области умерло свыше 6500 военнопленных.

Значительно меньше на настоящем сайте представлены исследования истории исправительных учреждений для уголовных преступников современного периода. Скорее всего, это связано с отсутствием в свободном доступе необходимого архивного материала и статистических данных.

Как видим, исследование нашей проблематики все больше приобретает комплексный характер. На очереди решение вполне реальной задачи – создание сквозной истории пенитенциарной системы Восточной Сибири.

1. From the Arctic ocean to the Yellow sea by Julius M. Price, special artist of the «London News». London, 1892.

2. *Кодан С. В.* Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856 гг.). Иркутск, 1980; *Марголис А. Д.* Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995.

3. *Марголис А. Д.* Указ. соч. С. 30.

4. *Вагин В.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. С. 51, 58.

5. Цит. по: Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 45.

6. Ссылка в Сибирь. СПб., 1900. С. 304.

7. Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1. С. 56.

1. From the Arctic ocean to the Yellow sea by Julius M. Price, special artist of the «London News». London, 1892.

2. *Kodan S. V.* controlling of the political exile to Siberia (1826–1856-s). Irkutsk, 1980; *Margolis A. D.* Prison and exile in the Imperial Russia: researchers and archives findings. M., 1995.

3. *Margolis A. D.* Ibid. P. 30.

4. *Vaguin V.* Historical facts of the Count M. M. Speranskiy's activity from 1819 up to 1822. SPb., 1872. P. 51, 58.

5. Citation: Political exile in Siberia. The Nerchinsk servitude. V. 1. Novosibirsk, 1993. P. 45.

6. Exile to Siberia. SPb., 1900. P. 304.

7. Political exile in Siberia. The Nerchinsk servitude. V. 1. P. 56.

8. ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 256. Л. 81, 82.
9. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
10. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 834. Л. 77–78.
11. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 55. С. 71.
12. ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 512. Л. 60.
13. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 82. Л. 8.
14. *Брешковская Е. К.* Побег (отрывок из воспоминаний) // Дни. 1924. 20 янв.
15. Е. К. Брешко-Брешковская о самой себе. Пг., 1917. С. 8.
16. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Surgut, 1993. С. 172–176.
17. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. С. 354–355.
18. Забайкалье : крат. ист., геогр. и стат. очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С. 105.
8. The Irkutsk Region State Archive (IRSA). F. 600. Inv. OTs. Doc. 256. P. 81, 82.
9. IRSA. F. 600. Inv. 1. Doc. 5. P. 13.
10. IRSA. F. 600. Inv. 1. Doc. 834. P. 77–78.
11. *Lenin V. I.* Political exile to Siberia. V. 55. P. 71.
12. IRSA. F. 25. Inv. 3. Doc. 512. P. 60.
13. IRSA. F. 24. Inv. 3. Doc. 82. P. 8.
14. *Breshkovskaya E. K.* Escape (memoirs fragment) // Days. 1924. January, 20.
15. E. K. Breshko-Breshkovskaya about herself. Pg., 1917. P. 8.
16. *Chtcheglov I. V.* Chronological list of the principal facts from the Siberia history: 1032–1882-s. Surgut, 1993. P. 172–176.
17. *Kolesnikov A. D.* Russian population of the Western Siberia in XVIII – at the beginning XIX-th c. Omsk, 1973. P. 354–355.
18. Transbaikal region: brief historiographical, geographical and statistical outline on the Transbaikal region. Irkutsk, 1891. P. 105.

History of Penitentiary Politics of Russian Empire in Siberia on Website www.penpolit.ru

Irkutsk state university, Irkutsk

The presented article is a historiography review of the web-site content of the history of penitentiary politics of Russian Empire in Siberia in XVII–XX-th c. The author examines the works of the leading contemporary researches, indicating the main issues of the theme: legislative base formation of the penal and political exile to Siberia, the living conditions of the prisoners, the labor occupancy, as well as the prisonous direction officers' professionalism.

Key words: penitentiary politics, Eastern Siberia, exile, prison, settlement, repressions, criminality, the Nerchinsk servitude, the Russian Empire legislation, historiography, Irkutsk.

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: sovet@penpolit.ru

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science and Russian History, the Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: sovet@penpolit.ru